

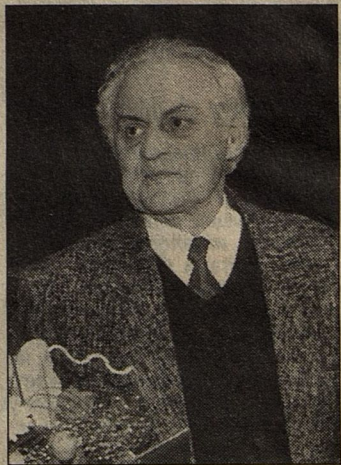
Культура. — 1999. — 11-17 марта. — с. 4

Дон Кихот Челябинский

Науму Орлову — 75 лет

Хорошим может называться режиссер, делающий время в спектакле необратимым. То есть тот, кто мотивирует причинно-следственные отношения на сцене настолько жестко, что шаг влево, шаг вправо — и вся постановка просто сыплется. Народный артист России и почетный гражданин Челябинска Наум Орлов идеально режиссирует спектакль своей собственной жизни.

Вряд ли есть на Южном Урале фигуры, реально сопоставимые с Наумом Юрьевичем по уровню и значению. За четверть века, что он руководит Челябинским академическим театром, театр этот стал реальным центром реальной культуры, чья деятельность держит на плаву экологию духа гигантского региона России. Он любит повторять: «Мы — русский, общедоступный...» И поэтому цены на билеты не поднимаются уже много-много лет. И это при полных аншлагах!

Но все это будет потом. А пока — детство в местечковом Чернигове, точно с картин Марка Шагала сошедшее, где тротуары покрыты досками и рядом с домом цирк. И циркачи под куполом, и густое мясо жизни, из которого сочится мощная созидательная энергия. Все это отзывается каждый раз, когда Орлов затевает свои густонаселенные спектакли. И, расплескав на сцене многоголовое поле «человечьей пшеницы», придумывает игры с коллективным бессознательным. Дабы не скатиться на уровень «широких обобщений», выстраивает он серию гротесково заостренных характеров, оставляя даже массовке кусочки индивидуальностей. Кстати, прочим жанрам Орлов предпочитает фарс, череду пограничных состояний, которые и разматывает, как моток медной проволоки: неизвестно, что выскочит дальше. Но это позже. А пока — Украина, Киев, только что организованный Институт театрального искусства им. Карпенко-Карого, который студент Орлов окончил по двум специальностям: режиссерской и театроведческой. Учился он у Константина Хохлова и Нелли Влады. Потом была борьба с космополитизмом, череда провинци-

альных театров и, наконец, Одесский тюз.

Поставив «Баню», Наум Юрьевич плавно переместился в Украинский драматический театр имени Октябрьской революции. Там Орлов около десяти лет ставил украинскую и русскую классику, правдивые спектакли о войне и мире. Параллельно, при Одесской киностудии, руководил Студией киноактера. Там же, у Черного моря, Орлов познакомился с Татьяной Сельвинской, которая отныне будет сценаристом главных его спектаклей. Особенно ценит Наум Юрьевич свой спектакль по пьесе запрещенного тогда Микола Кулиша «Патетическая соната». С ним вышла целая история: цензор перепутал названия, решив, что ставят «Третью, патетическую».

Следующий десяток лет был отдан художественному руководству Казанским русским Большим драматическим театром имени В.И. Кавалова. Именно «Варварами» и «Зыковыми» в Казани Орлов начинает свою знаменитую серию горьковских спектаклей.

А в Челябинске, на новом месте, — с чистого листа. Чтобы встряхнуть находившуюся тогда в упадке местную драму, новый главный поставил спектакль, заняв сразу всю труппу. Мюзикл «Иосиф Швейк против Франца Иосифа» шел 17 лет. Жизнь забулдила, появилась молодежь, новые спектакли. Особенно Наум Орлов привлекал режиссера Молодежного театра миниатюр «Манекен» Анатолия Морозова, талантливых художников и сценаристов. Его педагогический принцип — «не революция, но эволюция», медленное научение зрителя трудностям своего языка.

Умение поставить спектакль сегодня оказывается лишь половиной дела. Куда важнее — воспитать и на недосыпаемом уровне сохранить труппу, один из лучших в стране коллективов. Куда серьезнее подбирать репертуар и распределять роли таким образом, чтобы не просто были заняты все актеры, но чтобы шел постоянный и неуклонный внутренний рост буквально каждого. Прошлым летом профессор Орлов зачислил в штат академического театра почти весь свой актерский курс. В кулуарах на худрука ворчали: мол, фонд заработной платы не безразмерен, да и гримерки тоже не резиновые. А Орлов уже сейчас думает о тех, кто будет определять лицо театрального искусства в следующем веке.

Сопrotивление материала — вот что для него существенно, что позволяет накачивать мускулы мысли и мастерства.

«В пьесе, — рассуждает Наум Юрьевич, — и в спектакле всегда должна быть некая тайна. Распределение ролей обозначает подступы к облаку тумана, в котором варятся не проявленные пока что смыслы будущей работы. И, если мы достигаем в искусстве каких-то иррациональных сторон, задеваем какие-то необъяснимые струны нашего существования — какое достижение может быть выше и почетнее этого?»

Татьяна Сельвинская вспоминает, что поначалу ее макеты Орлов воспринимает как провокацию, неделями ходит вокруг них, не зная, что решить. Однажды она увидела, что на репетициях «Норы» ему мешают подушки, в изобилии набросанные на диване, предложила убрать. «Но ведь ты же их зачем-то придумала?!» — удивился неожиданной уступчивости сценариста Наум Юрьевич.

Замысел, проведенный через множество людей, учит манипулировать, делать окружающих единомышленниками. Уже на этом уровне становится понятно, что профессия режиссера есть утверждение лжи как единственно возможной Истины. Ведь что такое спектакль, как не хорошо сделанная, сбалансированная по всем направлениям «ложь»? Орлов так кропотливо проживает с исполнителями их роли, точно запускает некий механизм развития и углубления образа. Может быть, поэтому спектакли его идут многие годы и, как говорят

помрежи, «не разваливаются».

«Режиссер, — считает Наум Юрьевич, — должен быть диктатором. Обязательно. Но — глубоко уважающим и любящим артиста. Не верю в режиссуру людей, позволяющих себе быть с ними снисходительными. Песнь носы они, а не режиссеры! Артиста надо понимать и ценить. Подчеркивая его достоинства, в то же время вырывать именно то, что ты хочешь. Работа — взаимная радость. Только свободный человек может делать искусство». Поиски свободы в жестко заданном пространстве — что может быть ближе русскому человеку? Тем более русскому актеру, вместе с ролью выдавливающему из себя по капле неврастеника, ничтожество, раба».

Для многих в театре Орлов — как психоаналитик: первое дело — прийти и выговориться. Это такая наиболее точная и выгодная позиция: быть со всеми искренним и естественным. И никаких интриг: вскрывать подоплеку силой железной логики, против которой не погрешь. А никто и не прет. В театре все Орлова любят и поэтому всегда соглашались. Все расцветают, когда их касается луч внимания главного, потому как внимания его никогда не хватает. А он старается распределить его ровно, чтобы хватило на всех, каждому. Не из особого человеколюбия, просто тактик прирожденный. И, кроме художественных задач, всегда решает еще и политические.

Однажды в составе большой делегации Орлов поехал в Америку. В Мемориальном шекспировском театре в Сан-Франциско наши увидели репетицию. И Орлов немножечко, насколько это позволяют международные отношения, покритиковал методы их работы. Женщина-режиссер запальчиво сказала: «А вы можете порепетировать с нашими артистами? Вы знаете пьесу?» Неожиданно для себя Орлов согласился и репетировал три дня.

«На первой репетиции, когда я влез со своим пониманием игры, они просто смеялись надо мной. Я говорю артисту: в этом месте ваш персонаж делает то-то и то-то. А чернокожий артист смеется и «тычет в книжку пальчик»: о чем вы говорите, тут же написано совершенно другое! Тогда я его спросил: а вы всегда говорите то, что думаете? На второй репетиции не слишком доверчиво, но они уже делали то, что я просил. На третий день лучших

учеников Константина Сергеевича Станиславского я себе представить не мог».

Ну да, русский психологический театр, про который часто пишут, что режиссер умирает в актерах... Ничего подобного! Другое дело, что настоящий профессионал начисто лишен «режиссерской агрессии». А присутствие режиссера в спектакле тем не менее значительно и заметно. Но не через внешние приемы, а через внутренние связи. Главная проблема в том и заключается, что идут сейчас смотреть не актеров и не «режиссерское решение», но — сюжет. Рядом с «фаст-фудом» теле-шоу-бизнеса общедоступный русский театр оказывается прерогативой немногочисленных гурманов.

Занятый, казалось бы, какими-то второстепенными и не слишком заметными постороннему взгляду «загогулинами», Наум Орлов похож на Дон Кихота, воюющего с громокипящими мельницами полусикуства.

Сейчас он более всего увлечен реализацией проекта «Театр Чехова», предполагающего постановку и одновременное функционирование в репертуаре всех пьес великого драматурга. Татьяна Сельвинская выстроила на Малой сцене театра удивительно красивую мансарду — в ее декорациях уже идут «Безотцовщина» и «Дядя Ваня», сейчас работают над «Вишневым садом» (а Большая сцена приняла «Чайку» в постановке Аркадия Каца).

Логика чеховского текста выводит Орлова на нелицеприятные открытия. Не так уж эти прямодушные интеллигенты начала века приятны и симпатичны! Откровенно груб Астров, беззащитно черства Раневская, декадент Войницкий явно проигрывает здравому реалисту Серебрякову.

Много раз Орлова сманивали в столицы и большие города — предлагали театры в Киеве и Тбилиси. Но что-то удерживало его на Южном Урале. Два месяца назад исполнилось 25 лет, как Наум Юрьевич возлагал Челябинскую драму. Не зря выбрали Орлова почетным гражданином города. Он ведь у нас такой единственный. И потому, независимо от официального звания, главный.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ
Челябинск